НАТАЛИ ГРОСС

КОНТРАКТ НА КАПИТУЛЯЦИЮ

САГА О СЕВЕРСКИХ · КНИГА 1

18+

Натали Гросс

Контракт на капитуляцию

«Автор»
2026

Гросс Н.

Контракт на капитуляцию / Н. Гросс — «Автор», 2026

Сорок миллионов чужого долга. Один год фиктивного брака. И мужчина, который привык контролировать всё.Агния Левина никогда не думала, что её жизнь изменит подпись под документом, который она не подписывала.Когда отчим исчезает, оставив многомиллионный долг, влиятельный бизнесмен Кирилл Северский предлагает Агнии сделку: она станет его женой на один год, а он поможет решить её проблемы.Никакой любви. Только договор, строгие условия и взаимная выгода.Но за безупречным фасадом семьи Северских скрываются тайны, связанные с прошлым покойной матери Агнии. И чем ближе она подбирается к правде, тем труднее понять, кому можно доверять.Особенно человеку, который знает о ней гораздо больше, чем признаётся.Она согласилась на брак по контракту. Но капитулировать не собиралась.

© Гросс Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Капкан из белого золота 5
Долг чести 10
Хозяин положения 19
Сделка 28
Золотая клетка 38
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Натали Гросс
Контракт на капитуляцию

Пролог. Капкан из белого золота

На столе между нами лежали пятьдесят восемь страниц будущей семейной жизни.

Я прочитала их дважды.

Первый раз — от начала до конца, не пропуская приложений и сносок. Второй — только те пункты, которыми Кирилл Северский собирался ограничить мою свободу на ближайший год.

Он не торопил.

Сидел напротив в глубоком кресле, положив ногу на ногу, и смотрел на меня с терпением человека, который уже получил нужный ответ и теперь ждёт соблюдения формальностей.

За его спиной Москва уходила вниз на десятки этажей. С этой высоты город казался удобным для управления: никаких людей, только светящиеся линии проспектов, крошечные машины и окна соседних башен. Даже пробки отсюда выглядели аккуратно.

Наверное, Кириллу нравилось именно поэтому.

Я перевернула страницу.

— Пункт 4.2.

— Я помню содержание собственного договора.

— Не сомневаюсь.

Он едва заметно приподнял бровь.

Я прочитала вслух:

— «Супруга обязуется присутствовать на протокольных, деловых и иных публичных мероприятиях по предварительному уведомлению, воздерживаться от действий, способных нанести ущерб деловой репутации супруга, и поддерживать публичный образ брачного союза».

— Хорошая формулировка.

— Особенно «публичный образ брачного союза».

— Юристы долго старались.

— Им стоило доплатить за чувство юмора.

На этот раз в уголке его рта что-то изменилось. Не улыбка. Скорее признание удачного выпада.

Кириллу было тридцать три. На фотографиях деловых изданий он выглядел старше: строгие костюмы, тяжёлый взгляд, привычка никогда не поворачивать голову к камере полностью. Вживую возраст определить было легче. Молодость ещё не успела уйти из лица, только сам хозяин этого лица словно давно считал её ненужной роскошью.

Перед ним стоял стакан воды. Нетронутый.

Рядом — закрытая чёрная папка.

Никаких семейных фотографий, памятных безделушек, случайно оставленной книги. Кабинет можно было освободить за десять минут, и после Кирилла Северского в нём не осталось бы ничего личного.

Я задержалась на следующей странице.

— Пункт 8. Если я расторгаю соглашение раньше срока, компенсация аннулируется.

— Да.

— Обязательства моего отчима восстанавливаются в полном объёме.

— Да.

— И вы получаете право взыскать долг предусмотренными законом способами.

— Именно предусмотренными законом, Агния.

Я подняла на него глаза.

Он понял, почему я выделила эти слова.

— Разочарована? — спросил Кирилл. — Ожидала увидеть пункт о бетонном тазике и Москве-реке?

— От вас я пока ничего не исключаю.

— Это разумно.

Вот теперь он улыбнулся.

Коротко и почти дружелюбно.

От этого стало только неприятнее.

Я закрыла договор ладонью.

— десять миллионов евро.

— После окончания срока.

— триста шестьдесят пять дней.

— До последнего.

— Почему евро?

— Предпочитаешь рубли?

— Предпочитаю понимать логику.

— Хорошая привычка.

Кирилл подался вперёд и положил предплечья на край стола.

— Через год на твой личный счёт поступят десять миллионов евро. Долг Эдуарда Воронова будет закрыт. Все обеспечительные претензии к имуществу, имеющему отношение к тебе, снимаются. Ты получаешь развод без имущественных требований с моей стороны и возвращаешься к своей жизни.

— Какая щедрость.

— Нет. Расчёт.

Это прозвучало спокойно.

И именно поэтому я ему поверила.

Щедрость от Кирилла Северского действительно выглядела бы подозрительнее.

Я снова открыла документ.

Юристы постарались убрать из него всё, что могло напоминать обычный брак. Отдельные спальни. Раздельные счета. Никаких взаимных претензий на имущество, приобретённое до заключения брака. Конфиденциальность. Публичные мероприятия. Правила взаимодействия с прессой. Порядок поездок. Даже условия появления в доме гостей были прописаны аккуратнее, чем некоторые государственные контракты.

Не хватало только графика разговоров за завтраком.

— А личная жизнь? — спросила я.

— Чья?

— Ваша.

— Тебя она не касается.

— Отлично. Моя?

Кирилл помолчал.

— На протяжении срока договора ты не даёшь поводов для публичных трактовок.

— То есть любовников нельзя.

— Если умеешь держать мужчину так, чтобы о нём не узнал ни один фотограф, журналист, сотрудник моей службы безопасности и мой совет директоров, я готов признать поражение.

— Щедро.

— Мы уже выяснили, что я не щедрый.

Я провела пальцем по краю бумаги.

Толстый хлопковый лист. Хорошая печать. Аккуратный переплёт. Документ был сделан с тем уважением к материалу, которое я редко встречала за пределами реставрационных мастерских.

Смешно.

Самая абсурдная сделка в моей жизни была оформлена безупречно.

— Почему я?

Этот вопрос я уже задавала.

И знала ответ, который он собирался дать.

Но хотела услышать ещё раз.

Кирилл не отвёл взгляда.

— Потому что ты подходишь.

— Блестящее объяснение.

— У тебя нет публичной биографии. Нет зависимости от моего бизнеса. Нет связей с людьми, которые захотят использовать наш брак против меня. Ты умеешь держать рот закрытым, не любишь светскую жизнь и не производишь впечатления женщины, которая через две недели начнёт продавать фотографии спальни журналистам.

— Очень романтично.

— Мы не обсуждаем романтику.

— А ещё мой отчим должен вам сорок миллионов рублей.

— Это тоже упрощает переговоры.

Я ожидала именно этих слов.

И всё равно внутри что-то неприятно сдвинулось.

Не страх.

Скорее раздражение от того, насколько легко другой человек поставил цену рядом с твоим именем.

сорок миллионов долга.

десять миллионов компенсации.

один год жизни.

Всё считалось.

Я перевернула последнюю страницу.

В нижней части листа уже стояла подпись Кирилла — резкая, почти неразборчивая.

Рядом оставили место для моей.

На столе лежала ручка из белого золота.

Тяжёлая.

Дорогая.

Совершенно неудобная для повседневного письма.

Я взяла её.

— Последний шанс передумать? — спросила я.

— Для тебя?

— Для вас.

Кирилл посмотрел на меня чуть внимательнее.

До этого момента я была для него задачей, которую следовало закрыть. Сейчас в его взгляде впервые появилось настоящее любопытство.

— Ты считаешь, что мне есть о чём сожалеть?

— Пока не знаю.

— Тогда узнаешь.

Он потянулся к стакану, но рука остановилась на полпути.

Совсем ненадолго.

Пальцы коснулись правого виска. Не демонстративно — скорее машинально, словно он на секунду забыл, что находится не один.

Потом Кирилл взял стакан и сделал глоток.

Если бы я не привыкла часами искать на старой бумаге следы чужого вмешательства, я могла бы не заметить.

Но я заметила.

И ничего не сказала.

— Агния?

Я посмотрела на него.

— Что?

— Ты собираешься подписывать или любоваться ручкой до утра?

— Думаю, стоит ли она того.

— Ручка?

— Год моей жизни.

— десять миллионов за год. Примерно двадцать семь тысяч евро в день. Не самый плохой тариф.

— Вы всегда переводите людей в стоимость суток?

— Только тех, кто приходит ко мне из-за денег.

Я медленно положила ручку на страницу.

— Я пришла сюда не из-за денег.

Кирилл не ответил сразу.

— Конечно.

Он мне не поверил.

Это было даже удобно.

Я расписалась.

Не спеша, полностью, без сокращений.

Агния Ильинична Левина.

Чернила быстро впитались в бумагу.

Ничего не произошло.

Не погас свет.

Не треснуло стекло.

Москва за окном продолжала двигаться, совершенно равнодушная к тому, что только что произошло на шестьдесят втором этаже.

Кирилл протянул руку.

Я отдала ему договор.

Он проверил подпись, закрыл папку и только после этого позволил себе расслабиться.

Совсем немного.

— Сделка закрыта, — сказал он.

— Похоже на то.

— Завтра в девять за тобой приедет машина. Возьми то, что понадобится на первое время. Остальное доставят позже.

— Вы даже не спросите, согласна ли я переезжать?

— Это есть в пункте 5.

— Конечно.

Я поднялась.

Кирилл тоже встал.

Он оказался выше, чем казался из-за стола. На несколько секунд мы остались друг напротив друга без бумаги между нами, без юристов и без удобной возможности сделать вид, что речь идёт только о контракте.

— Ещё одно правило, — сказал он.

— Оно есть в приложении?

— Нет.

— Тогда юридической силы не имеет.

На этот раз он действительно усмехнулся.

— Не пытайся превратить этот брак во что-то настоящее, Агния.

Я застегнула пальто.

— Не волнуйтесь. Пока такой опасности не наблюдается.

— Хорошо.

— И у меня тоже есть правило.

Его лицо снова стало непроницаемым.

— Я слушаю.

— Никогда не решайте за меня, что мне лучше не знать.

Тишина продлилась всего пару секунд.

Но я увидела перемену.

Настолько маленькую, что другой человек мог бы списать её на свет из окна.

Я — нет.

— У тебя слишком много требований для женщины, которой только что закрыли сорок миллионов чужого долга.

— Придётся привыкать.

Я взяла сумку и направилась к двери.

— Агния.

Обернулась.

Кирилл стоял у стола, положив ладонь на чёрную папку.

— Добро пожаловать в ад.

Я посмотрела сначала на него, потом на белозолотую ручку, оставшуюся рядом с договором.

Он был уверен, что купил себе год моего послушания.

Что долг Эдуарда загнал меня сюда надёжнее любого оружия.

Что человек, поставивший подпись под его условиями, автоматически становится слабейшей стороной сделки.

Я позволила ему так думать.

Пока.

Если бы ты только знал, Северский, кто из нас двоих на самом деле только что захлопнул капкан.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Долг чести

За сутки до того, как я подписала брачный контракт с Кириллом Северским, мой отчим позвонил мне в 7:43.

К этому времени я уже почти сорок пять минут была в мастерской. За окнами только начинала просыпаться Пятницкая: редкие машины шуршали по влажному асфальту, во дворе хлопнула дверь пекарни, откуда тянуло тёплым хлебом, а в старых трубах отопления лениво перекатывался воздух. Я любила это короткое время до прихода клиентов и звонков — несколько часов, когда никто не требовал срочности и можно было работать в том темпе, который задавал сам материал.

На столе под бестеневой лампой лежала фламандская гравюра семнадцатого века. Когда-то кто-то решил «освежить» её лаком, больше подходившим для мебели, и теперь поверх тончайшей штриховки лежала мутная жёлтая плёнка. Я снимала её крошечными участками, каждый раз проверяя поверхность под увеличением. Стоило поспешить — и вместе с чужим вмешательством можно было снять то, что пережило несколько столетий.

Телефон, лежавший экраном вниз на свободном краю стола, коротко завибрировал. Я услышала знакомое дребезжание по дереву, но не подняла головы: на кончике инструмента как раз держалась размягчённая полоска лака. Через несколько секунд телефон затих. Потом снова ожил, настойчивее, сдвинувшись на несколько миллиметров к баночке с растворителем.

На третий звонок я всё-таки отложила инструмент, закрыла состав и стянула одну перчатку.

На экране высветилось имя: Эдуард.

— Что случилось?

— И тебе доброе утро, — отозвался он слишком бодро для человека, который звонил мне раньше восьми.

Эдуард Викторович Воронов особенно убедительно изображал человека без проблем именно тогда, когда проблем становилось много. В голосе появлялась показная лёгкость, шутки звучали чуть громче обычного, а на прямой вопрос он неизменно отвечал чем-нибудь, что формально относилось к теме, но ничего не объясняло.

— Ты никогда не звонишь мне до восьми.

— Может, решил поменять привычки.

— С четверга?

Он рассмеялся. Смех получился слишком громким и оборвался так же быстро, как начался.

— Где ты?

В трубке возникла пауза. Не долгая — всего несколько секунд, — но Эдуарду их хватило, чтобы выдать себя.

— По делам.

— Где?

— Агния, мне давно не шестнадцать.

— Тебе шестьдесят два.

— Спасибо, что напомнила.

Где-то рядом с ним раздалось объявление по громкой связи. Женский голос, искажённый плохими динамиками, растёкся в металлическом эхе. Слова разобрать не удалось, зато характерный фон я узнала сразу.

— Ты на вокзале?

— Нет, — ответил он слишком быстро.

— Тогда где?

— Слушай, у тебя после мамы остались мои документы?

Я замолчала. Сам вопрос был куда тревожнее утреннего звонка.

— Какие именно?

— Старые бумаги. Из квартиры.

— Там несколько коробок.

— Синяя папка на резинке.

— Эдуард.

— Что?

— Во что ты влез?

— Почему сразу «влез»?

— Потому что последний раз тебе срочно понадобились старые документы за два дня до истории с гаражом.

— Опять ты про этот гараж.

— Которого у тебя не существовало.

— Юридически всё было немного сложнее.

— Вот это меня и пугает.

Несколько секунд мы молчали. Я машинально посмотрела на гравюру, но уже не видела ни штриховки, ни мутного лака.

Эдуард умел зарабатывать деньги. Иногда очень хорошо. Его беда заключалась в другом: он с одинаковой искренностью верил и в осторожные проекты, и в схемы, которые обещали одним удачным ходом закрыть старые долги, создать новые возможности и избавить от необходимости признать, что предыдущая идея была ошибкой.

Мама называла это предпринимательским характером. Я предпочитала менее романтические определения.

— На этот раз всё иначе, — сказал он.

— Ты это уже говорил.

— Агния, я не звоню просить денег.

Я выпрямилась. За все годы нашего знакомства эта фраза звучала реже, чем мне хотелось.

— Тогда зачем звонишь?

Он не ответил. В динамике слышалось только слабое шуршание — шаги, одежда, возможно, ветер.

— Эдуард?

— Хотел услышать твой голос.

Я отвела телефон от уха и посмотрела на экран, словно там могла появиться сноска с объяснением.

— Ты пьян?

— В восемь утра?

— Сейчас 7:46.

— Тем более.

— Это опять не ответ.

Он усмехнулся едва слышно. Потом голос изменился: из него исчезла нарочитая бодрость, и на мгновение я услышала человека, который устал притворяться, что всё под контролем.

— Я понимаю, что ты обо мне думаешь.

— Не начинай.

— Думаешь, я всё порчу.

— Я этого не сказала.

— Необязательно.

Я промолчала. Иногда молчание — единственный способ не соврать и при этом не ударить сильнее, чем собирался.

Эдуард не был моим отцом и никогда особенно не пытался занять его место. Когда мама привела его домой, мне было шестнадцать, и первые месяцы мы существовали в одной квартире как два государства с общей кухней и негласным соглашением о ненападении. Он не лез в мою жизнь, я не задавала вопросов о его. Со временем враждебный нейтралитет превратился в привычку друг к другу.

Позже стало проще. Не настолько, чтобы я однажды начала называть его папой, но достаточно, чтобы незаметно для себя перестать воспринимать как случайного мужчину рядом с матерью.

Я могла перечислить не меньше десяти причин, по которым злилась на Эдуарда: его легкомыслие, любовь к рискованным сделкам, способность оттягивать неприятный разговор до момента, когда неприятным становилось уже всё. Но потом заболела мама.

В последние восемь месяцев её жизни именно Эдуард выучил названия лекарств, спорил с врачами, дремал в кресле возле кровати и каждое утро ехал через пол-Москвы за творогом одной марки, потому что другой она отказывалась есть. Однажды я пришла раньше обычного и увидела, как он осторожно мыл ей волосы над тазом, боясь причинить боль. Он не заметил меня. Я тихо закрыла дверь и впервые за много лет поняла, что не умею определить, кем он мне всё-таки приходится.

Человека неудобно ненавидеть, если видел его таким.

— Просто скажи, что происходит, — сказала я.

— Пока ничего.

— Мне не нравится слово «пока».

— Если кто-нибудь будет меня искать, ты ничего не знаешь.

Пальцы сами сильнее сжали телефон.

— Кто?

— Никто.

— Эдуард.

— Я разберусь.

— Это как раз та часть, которая меня беспокоит.

Он долго молчал. На этот раз я не торопила.

— Прости меня, ладно?

— За что?

Ответом стали короткий щелчок и тишина.

Я посмотрела на погасший экран, тут же перезвонила и услышала ровный голос оператора: абонент недоступен. Попробовала ещё раз — с тем же результатом.

— Очень содержательно.

— Что?

Я обернулась. В дверях подсобного помещения стояла Вера Корнеева с двумя бумажными стаканами кофе и выражением лица человека, который услышал достаточно, чтобы не поверить моему «ничего не случилось».

Мы познакомились ещё на первом курсе. Вера была на год старше, работала с живописью, носила короткое тёмное каре и принципиально считала каблуки проявлением многовекового заговора против женских позвоночников. Ещё она обладала неприятной способностью замечать моё настроение раньше, чем я успевала решить, что никакого настроения у меня нет.

Она протянула мне кофе.

— Воронов?

— Да.

— Деньги?

— Не просил.

Вера остановила стакан на полпути ко рту.

— Настолько плохо?

— Похоже.

Она посмотрела на меня внимательнее, но не стала вытягивать подробности. За это я её и ценила: Вера умела находиться рядом, не превращая участие в допрос.

— Что у тебя? — спросила она, кивая на гравюру.

— Очередной «неизвестный великий мастер».

— Клиент уверен?

— Абсолютно.

— Значит, точно не великий.

Я невольно усмехнулась и снова повернулась к столу. Работа на несколько секунд вернула знакомое ощущение порядка: здесь хотя бы причины и следствия подчинялись материалу, а не человеческой склонности всё усложнять.

— Лист настоящий. Подпись поздняя.

Вера наклонилась ближе, не касаясь бумаги.

— Антверпен?

— Возможно.

— И опять придётся объяснять человеку, что возраст бумаги не делает изображение Рубенсом?

— Для начала попробую мягко.

— Ты не умеешь мягко.

— Поэтому попробую недолго.

Колокольчик над входной дверью звякнул, нарушив тишину мастерской. Звук был обычным, но мы обе почти одновременно посмотрели на часы: 9:02. Я никого не ждала.

— Ты кого-то ждёшь? — спросила Вера.

— Нет.

Она поставила стакан и пошла к двери раньше меня. Через открытую створку донёсся спокойный мужской голос:

— Агния Ильинична Левина?

Через несколько секунд Вера вернулась. Улыбка исчезла.

— К тебе.

За ней вошли двое мужчин.

Первому было около пятидесяти. Высокий, сухощавый, с аккуратной сединой у висков и лицом, на котором ничего не задерживалось дольше необходимого. Тёмное пальто выглядело дорогим, но не бросалось в глаза — одежда человека, привыкшего присутствовать при чужих проблемах и не становиться их частью.

Второй мужчина остался у двери. Он почти не смотрел на работы. Зато за несколько секунд успел оценить окна, лестницу во двор, проход в подсобное помещение и нас с Верой. Движения были спокойными, без показной настороженности, и именно поэтому его профессия угадывалась без представления.

Я сняла вторую перчатку.

— Мы только открылись.

— Я вижу.

Первый мужчина достал визитную карточку и положил её на чистый участок стола.

Сергей Павлович Мартынов.

Директор службы корпоративной безопасности.

Инвестиционная группа «Северский Капитал».

Я задержала взгляд на последней строке. Фамилия была известная. Кирилл Северский регулярно появлялся в деловых новостях по причинам, которых обычные люди предпочитали избегать: крупные сделки, поглощения, судебные споры, реструктуризации, после которых кто-то неизменно терял больше, чем рассчитывал.

— Чем могу помочь?

— Нам необходимо поговорить об Эдуарде Викторовиче Воронове.

Вера посмотрела на меня. Утренний звонок наконец перестал быть просто странным.

— Говорите.

Мартынов перевёл взгляд на Веру. Та скрестила руки и осталась на месте.

— Вера, — сказала я.

— Даже не начинай.

— Десять минут.

— Пять.

— Десять.

Она вздохнула так, будто соглашалась исключительно из уважения к многолетней дружбе.

Проходя мимо Мартынова, остановилась.

— Если через десять минут Агния не придёт за кофе, я вернусь.

— Вера.

— Уже ухожу.

Дверь в соседнюю мастерскую закрылась. Мартынов едва заметно повернул голову ей вслед.

— Заботливая подруга.

— Вы приехали обсуждать её?

— Нет.

Он положил на край стола тонкую кожаную папку. Сделал это аккуратно, словно внутри лежали не чужие проблемы, а документы, которые просто требовали моей подписи.

— четыре месяца назад Эдуард Викторович получил сорок миллионов рублей через финансовую структуру, связанную с нашей группой.

Я ничего не сказала. Цифра была достаточно большой, чтобы удивить меня, и слишком похожей на Эдуарда, чтобы шокировать.

— Средства выдавались под обеспечение пакетом ценных бумаг и несколькими долговыми обязательствами. В ходе внутренней проверки выяснилось, что часть обеспечения не соответствует заявленным характеристикам.

— Проще.

Мартынов не обиделся.

— Есть основания полагать, что часть документов поддельная.

— Мой отчим украл у вас сорок миллионов?

— Я сказал не это.

— Но приехали вы не для того, чтобы похвалить его финансовую дисциплину.

— Эдуард Викторович не выходит на связь с четырёх утра.

Я вспомнила металлический женский голос на заднем плане нашего разговора и почувствовала, как неприятно сходятся детали.

— И вы решили, что я знаю, где он.

— Мы проверяем варианты.

— Позвоните в полицию.

— Кирилл Андреевич предпочитает сначала выяснить обстоятельства.

— Очень бережное отношение к репутации должников.

— Не к их репутации.

Он раскрыл папку. На стол легли копии договоров, выписки, приложения. Я пролистала несколько страниц. В финансовых формулировках я разбиралась ровно настолько, насколько требовала обычная жизнь, зато бумагу, подписи и следы вмешательства умела читать профессионально.

На предпоследнем листе Мартынов остановился и развернул документ ко мне.

Внизу стояло моё имя: Агния Ильинична Левина.

Под ним — подпись.

Моя — настолько похожая, что в первое мгновение я почувствовала неприятный провал в животе.

Я придвинула лист ближе к лампе.

— Что это?

— Поручительство по двум обязательствам.

— Я понимаю, что написано сверху.

— Согласно этим документам, вы выступили поручителем Эдуарда Викторовича.

— Нет.

— Подпись ваша?

Я не ответила сразу. Поднесла лист к свету, потом взяла увеличительное стекло. Человек, который воспроизводил мою подпись, подготовился тщательно: он не вспоминал её по памяти, а работал с хорошим образцом.

Под увеличением различия проступили одно за другим. В моей настоящей подписи длинный завершающий штрих уходил вправо быстро, с почти исчезающим нажимом. Здесь линия оставалась одинаково уверенной до самого конца. Несколько соединений были слишком аккуратными. Так бывает, когда человек не пишет привычным движением, а старается точно повторить форму.

— Подделка.

— Вы уверены?

— Да.

— На каком основании?

Я подняла глаза от листа.

— На том, что моя работа — замечать следы чужого вмешательства там, где их пытались скрыть. Но если вам нужен вывод для суда, понадобится почерковедческая экспертиза.

— Официальная экспертиза будет проведена.

Я ещё раз посмотрела на подпись — и вспомнила, где Эдуард мог взять образец.

Примерно полтора года назад, после смерти мамы, я подписывала ему доверенность на часть действий с квартирой. Тогда у него оказался оригинал с тем же вариантом подписи, вплоть до маленького излома первой буквы.

Пальцы похолодели. Не потому, что я уже решила, кто виноват. Наоборот — потому, что слишком очевидное объяснение почти всегда хочется проверить дважды.

— Оригиналы где?

— У наших юристов.

— Тогда отдайте на экспертизу.

— Отдадим.

— В чём проблема?

Мартынов закрыл папку не спеша.

— Проблема в том, что ваш отчим исчез.

— Я за него не отвечаю.

— С юридической точки зрения — возможно. Это и установит проверка.

— Тогда зачем вы здесь?

На этот раз пауза возникла у него. Совсем короткая, но до этого Мартынов отвечал без единой заминки.

— Кирилл Андреевич хочет встретиться с вами лично.

Я откинулась на спинку стула. Вот это уже не укладывалось в простую историю о пропавшем должнике.

— Зачем?

— Он объяснит сам.

— сорок миллионов рублей для человека его уровня — недостаточная сумма, чтобы принимать должников лично.

— Вы не должник.

— Только что вы привезли мне бумаги, в которых написано обратное.

— Я привёз бумаги, подлинность которых вы оспариваете.

— И всё-таки Северский хочет видеть меня.

— Сегодня в шесть вечера.

Мартынов достал пластиковый пропуск и положил его рядом с договором. На серебристой поверхности значились моё имя, «Северский Плаза» и шестьдесят второй этаж.

— А если я не приду?

— Ничего необычного. Юристы продолжат проверку, материалы передадут дальше, при необходимости будут заявлены обеспечительные меры.

— Звучит как угроза.

— Нет. Как последовательность действий.

Я посмотрела на него внимательнее. Он действительно не угрожал: не повышал голос, не перечислял имущество, которое можно арестовать, и не пытался напугать меня последствиями. Просто сообщал, что механизм уже запущен и продолжит работать независимо от моего отношения к нему. От этого становилось не спокойнее, а наоборот.

— Почему я?

— Это лучше спросить у Кирилла Андреевича.

— Вы наверняка знаете ответ.

В его взгляде мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Наверняка.

— И не скажете.

— Нет.

Он поднялся и застегнул пальто.

— В шесть вечера, Агния Ильинична.

— Северский не любит ждать?

— Вы удивитесь, насколько мало людей любят ждать.

Я взяла пропуск.

— Значит, у нас уже есть что-то общее.

Мартынов направился к двери, но у самого выхода остановился.

— Если Эдуард Викторович снова позвонит, попросите его не принимать поспешных решений.

— Этот совет стоило дать ему лет двадцать назад.

— Возможно.

На этом разговор закончился. Второй мужчина без слов последовал за Мартыновым. Колокольчик над дверью звякнул дважды, и мастерская снова наполнилась привычной тишиной — только теперь она уже не успокаивала.

Я несколько секунд смотрела на закрытую дверь. Потом на пропуск. Потом на телефон.

Эдуард всё ещё был недоступен.

Через минуту открылась дверь соседнего помещения. Вера вернулась с кофе.

— Одиннадцать минут.

— Подашь жалобу?

— Думаю.

Она поставила стаканы и заметила пропуск.

— Ну?

— Эдуард должен структуре Северского сорок миллионов.

Вера нахмурилась.

— Рублей?

— К счастью.

— Агния.

— Я знаю.

Я снова набрала номер отчима. На этот раз даже не дослушала сообщение оператора до конца.

— Он что-то сделал?

Я положила телефон на стол и провела пальцем по краю пропуска.

— Кто-то подделал мою подпись на поручительстве.

— Кто-то?

— Образец был у Эдуарда.

Вера несколько секунд молчала, затем тихо и очень выразительно выругалась. Я не стала возражать.

— Ты уверена?

— В подделке — да. В остальном пока нет.

Я подозревала Эдуарда сильнее, чем мне хотелось признавать, но подозрение ещё не было доказательством. Пока экспертиза не подтвердит источник подписи и пока я не услышу его объяснение, оставался хотя бы шанс, что за документами стоял кто-то другой. Возможно, шанс был небольшим. Но лишать его Эдуарда заранее я не собиралась.

— Что теперь? — спросила Вера. — Полиция?

— Возможно.

— «Возможно»?

Я подняла пропуск так, чтобы она увидела.

— Северский хочет встретиться сегодня.

— Нет.

— Это не вопрос.

— Поэтому и отвечаю сразу.

Я сделала глоток кофе. Он успел остыть и горчил сильнее обычного.

— Мне нужно понять, чего он хочет.

— У него есть сорок миллионов долга и документ с твоей подписью. Что тут понимать?

— Именно это.

— Что?

Я положила пропуск на ладонь. Серебристый пластик выглядел совершенно безобидно.

— Если бы ему нужны были деньги или уголовное дело против Эдуарда, он бы не приглашал меня на личную встречу. Этим занимались бы юристы.

Вера недовольно посмотрела на пропуск.

— Может, он любит лично смотреть на людей, которых собирается разорить.

— Возможно.

— Тебе не кажется, что ты слишком спокойно произносишь это слово?

— Мне вообще часто говорят, что я неправильно нервничаю.

— Я говорю.

— Ты часто говоришь.

Она тяжело вздохнула и села на соседний стул.

— Агния, не ходи одна.

— Я не собираюсь брать тебя на переговоры с Северским.

— Я постою в коридоре.

— И что сделаешь?

— Буду выглядеть угрожающе.

Я оглядела её: метр шестьдесят четыре ростом, мягкий серый свитер с пятном грунта на рукаве и волосы, собранные обычным карандашом.

— Получится.

— Вот и договорились.

— Нет.

— Ненавижу тебя.

— До обеда пройдёт.

Вера покачала головой, но улыбка всё-таки мелькнула.

— Ты всё равно поедешь.

Это уже не было вопросом.

Я снова посмотрела на пропуск.

— Поеду.

— Почему?

Потому что хуже неизвестности я переносила только чужие готовые объяснения. Когда между фактом и причиной оставалась пустота, люди спешили заполнить её догадками, а потом начинали защищать эти догадки как истину. Я предпочитала сначала увидеть исходный слой.

Сорок миллионов я понимала. Подделанную подпись — тоже. Даже исчезновение Эдуарда, при всём моём нежелании это признавать, укладывалось в его характер.

Не укладывалось только одно: зачем Кириллу Северскому понадобилась я.

— Потому что если у него уже есть поддельное поручительство на сорок миллионов, — сказала я, — мне хочется знать, зачем ему разговаривать со мной лично.

Я убрала пропуск в сумку.

Через девятьчасов я должна была впервые увидеть Кирилла Северского.

Тогда я ещё не знала, что вопрос о сорока миллионах окажется самым простым из тех, на которые мне придётся искать ответ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Хозяин положения

К пяти вечера отчёт по гравюре был закончен, Эдуард по-прежнему не выходил на связь, а я уже пожалела, что утром рассказала Вере правду.

Она восприняла мою встречу с Кириллом Северским как личное оскорбление здравого смысла.

— Нет, — заявила Вера, стоя у открытого шкафа в подсобке. — В этом ты не поедешь.

Я посмотрела на себя в узкое зеркало между стеллажами. Тёмно-синие брюки, белая рубашка, серое пальто. Обычная одежда для обычного рабочего дня.

— Почему?

— Потому что у тебя вид человека, который пришёл возвращать библиотечную книгу.

— Я и не собираюсь его соблазнять.

— Я тоже на это надеюсь. Но можно хотя бы не выглядеть так, будто ты сейчас попросишь Северского расписаться в акте приёма-передачи?

— Если разговор пойдёт плохо, это может оказаться полезным.

Вера закрыла шкаф и повернулась ко мне.

— Агния, я серьёзно.

— Я тоже.

Она несколько секунд изучала моё лицо, потом сдалась и поправила воротник пальто, который я застегнула неровно.

— Хорошо. Езжай в своём костюме библиотечного террориста. Только пообещай, что не будешь ничего подписывать.

— Не буду.

— И не соглашайся ни на что сразу.

— Вера.

— Что?

— Ты знаешь, чем я занимаюсь?

— Спасаешь старые гравюры от владельцев, которым денег хватило на покупку, а знаний — нет.

— В том числе. А ещё я сначала смотрю, потом трогаю.

— Очень надеюсь, что к Северскому ты применишь тот же принцип.

Я взяла сумку.

— Напишу, когда выйду.

— Нет. Напишешь, когда войдёшь. Потом, если задержишься дольше часа, напишешь ещё раз.

— Ты собираешься вызвать полицию?

— Я собираюсь начать с тебя. Если не ответишь — тогда решу.

— Угроза принята.

— Это не угроза. Это последовательность действий.

Я остановилась у двери.

— Ты сейчас процитировала Мартынова?

— Мне не нравится, что я его уже понимаю.

Я впервые за день улыбнулась по-настоящему.

На улице начинало темнеть. Моросил мелкий дождь, тот самый московский, который не воспринимаешь всерьёз, пока через десять минут не обнаруживаешь воду на воротнике и холод между лопаток. Я поймала машину у конца переулка и до самого центра смотрела на серые фасады за стеклом.

Эдуард не перезвонил.

Я проверила телефон в третий раз, хотя уведомление не могло появиться незаметно.

Ничего.

Вера написала: *«Не геройствуй»*.

Я ответила: *«Это не моя специальность»*.

И только после отправки вспомнила человека, к которому ехала.

О Кирилле Северском говорили по-разному. Журналисты любили называть его человеком без слабых мест. Конкуренты — человеком без принципов. Несколько лет назад один деловой еженедельник вынес на обложку его фотографию с подписью о самом молодом руководителе крупной инвестиционной группы. Я запомнила не статью, а фотографию: Северский смотрел мимо камеры так, словно разговор уже закончился, просто остальные об этом ещё не знали.

Подобные люди редко зовут незнакомых женщин на личные встречи из-за долга, который их бухгалтерия способна списать одной строкой.

Значит, сорок миллионов были только поводом.

Оставалось понять, для чего.

К *«Северский Плаза»*я приехала в 17:43.

Башня поднималась из стекла и тёмного металла над деловым кварталом с той нарочитой простотой, которая всегда стоит особенно дорого. Никаких золотых букв над входом, никаких портье в форменных пальто. Только вращающиеся двери, камень, свет и люди, которые двигались достаточно быстро, чтобы не смотреть друг на друга.

На стойке безопасности у меня попросили паспорт.

Гостевой пропуск Мартынова сработал без вопросов.

— Лифт справа, — сказала девушка за стойкой. — Вас встретят наверху.

— На каком этаже?

Она подняла на меня глаза.

— Шестидесятом.

Лифт шёл почти бесшумно. Только на середине подъёма заложило уши, и цифры над дверью начали меняться быстрее, чем мне нравилось.

Я посмотрела на своё отражение в тёмном стекле.

Вера была права только в одном: я действительно выглядела так, будто приехала по работе.

Это меня устраивало.

Двери открылись в просторный холл, где серый камень переходил в матовое стекло без единого лишнего стыка. За длинной стойкой сидела женщина лет сорока в светлом жакете. Она поднялась ещё до того, как я назвала себя.

— Агния Ильинична? Добрый вечер. Кирилл Андреевич ждёт вас.

— Я на пятнадцать минут раньше.

— Он знает.

Конечно.

Женщина провела меня по коридору и остановилась перед двустворчатой дверью.

— Кофе, вода?

— Нет, спасибо.

Она постучала один раз и открыла дверь.

Кабинет оказался почти таким, каким я его представляла, и совсем не таким, каким должен был быть кабинет человека с состоянием, о котором регулярно спорили деловые издания.

Ни тяжёлого дерева, ни коллекционного оружия на стенах, ни фотографий с президентами компаний. Большое пространство, тёмный стол, несколько кресел, книжный стеллаж, панорамные окна. Свет был приглушён сильнее, чем требовал вечер. Жалюзи закрывали верхнюю часть стекла, оставляя Москву узкой полосой внизу.

Кирилл Северский стоял у окна спиной ко мне.

Белая рубашка, тёмный жилет, рукава закатаны до предплечий. Пиджак лежал на спинке кресла. На столе рядом с ноутбуком стоял стакан воды, в котором ещё поднимались мелкие пузырьки от растворившейся таблетки.

— Левина, — сказал он, не оборачиваясь. — Вы пришли раньше.

— Могу выйти и подождать.

— Не нужно.

Он повернулся.

На фотографиях лицо Северского казалось грубее. Вживую в нём не было ничего тяжёлого: резкие скулы, тёмные волосы, спокойные глаза. Не красивый в том безопасном смысле, в каком принято описывать мужчин на рекламных плакатах. Скорее человек, к которому взгляд возвращался сам, хотя разум подсказывал не задерживаться.

Он быстро осмотрел меня — без попытки скрыть оценку, но и без мужского интереса.

— Садитесь.

— Постою.

— Как хотите.

Ни раздражения, ни удивления.

Это мне понравилось меньше, чем если бы он попытался поставить меня на место.

Северский вернулся к столу, закрыл ноутбук и указал на кожаную папку.

— Мартынов рассказал вам о Воронове.

— В общих чертах.

— Сорок миллионов. Поддельное обеспечение. Ваше поручительство.

— Поддельное поручительство.

Он поднял взгляд.

— Вы уверены?

— Да.

— Мартынов сказал то же самое.

— Значит, зря спрашиваете.

— Хотел услышать от вас.

Я подошла ближе к столу.

— Тогда услышали. Теперь объясните, зачем я здесь.

Он несколько секунд молчал.

— Вы всегда разговариваете так с людьми, от которых зависит ваша ситуация?

— Только когда они называют поддельный документ моим поручительством.

— Справедливо.

Ответ прозвучал неожиданно спокойно.

Кирилл открыл папку, но не стал доставать бумаги.

— Ваш отчим действительно использовал документы с вашей подписью. Кто именно изготовил копии, установит экспертиза. Я не собираюсь приписывать вам участие в его действиях без доказательств.

— Уже лучше.

— Не спешите радоваться.

— Не собиралась.

Он обошёл стол и остановился напротив меня. Между нами осталось несколько шагов.

— Если дело пойдёт обычным путём, юристы передадут материалы в правоохранительные органы. Вашу подпись проверят, поручительство, скорее всего, признают недействительным. Вопрос только во времени.

— Тогда у нас нет предмета разговора.

— Есть.

Вот оно.

Я ничего не сказала.

Северский взял стакан, сделал глоток воды и поставил его обратно. На мгновение его пальцы задержались у правого виска. Настолько коротко, что жест можно было принять за привычку.

Потом он снова посмотрел на меня.

— Мне нужна жена.

Я ждала чего угодно.

Денег. Давления на Эдуарда. Попытки купить молчание. Предложения отказаться от экспертизы в обмен на списание долга.

Но не этого.

Несколько секунд я была совершенно уверена, что ослышалась.

— Простите?

— Формулировка достаточно простая.

— Я надеялась, что проблема в акустике.

На этот раз уголок его рта дрогнул.

— Мне необходим зарегистрированный брак сроком минимум на один год.

— Поздравляю. В Москве несколько миллионов женщин.

— Большинство из них мне не подходит.

— А я, значит, подхожу.

— Да.

— Вы выяснили это по поддельному поручительству?

— По проверке, которая последовала после него.

Внутри что-то неприятно сжалось.

— Вы проверяли меня.

— Разумеется.

— Насколько глубоко?

— Достаточно.

— Ненавижу это слово.

— Зато оно точное.

Я медленно прошла к окну, не потому что хотела увидеть город, а потому что мне требовалось несколько секунд не смотреть на Северского.

Он говорил о браке так же, как другой человек обсуждал бы аренду помещения. Без смущения, без игры, без попытки придать происходящему приличный вид.

Это, пожалуй, было единственным, что не раздражало.

— Зачем вам жена?

— Семейный траст. Через несколько недель состоится заседание попечителей. Один из пунктов устава ограничивает часть моих полномочий, пока я не состою в зарегистрированном браке.

— Очень современная семья.

— Мой отец любил гарантии.

Первое личное слово за весь разговор.

Отец.

Я запомнила, но не стала цепляться.

— И вы решили выполнить условие буквально.

— Я решил выполнить его максимально эффективно.

— Со мной.

— С вами.

Я повернулась.

— Почему?

— Потому что вы не связаны с моим бизнесом. Не принадлежите ни к одной из семей, которые сочтут брак способом получить доступ к активам. У вас нет публичной биографии, политических амбиций и привычки продавать личную жизнь журналистам. Вы финансово независимы в том объёме, который исключает бытовую зависимость, но достаточно уязвимы сейчас, чтобы рассмотреть предложение, которое в другой ситуации сочли бы безумным.

— Наконец честно.

— Я стараюсь не тратить время на красивую ложь.

— А некрасивая вас устраивает?

Он посмотрел на меня чуть внимательнее.

— Иногда.

Ответ мне не понравился.

Но я запомнила и его.

— Что вы предлагаете?

Кирилл вернулся за стол и достал другую папку. Толще первой.

Положил передо мной.

— Один год официального брака. Публично мы супруги. На мероприятиях, перед прессой, перед попечителями — обычная семейная пара. В частной жизни каждый остаётся сам по себе.

Я открыла папку.

На первой странице стояло: *«Проект брачного договора и дополнительного соглашения о конфиденциальности»*.

— Очень трогательно.

— Вы ещё не дошли до приложений.

— Боюсь расплакаться раньше.

Он проигнорировал.

Я пролистала несколько страниц.

Документ был составлен людьми, которые явно получали удовольствие от слов *«обязуется»*, *«исключительно»*, *«безотзывно»*и *«в одностороннем порядке»*.

— Отдельное проживание внутри одной резиденции, — прочитала я. — Согласованные публичные мероприятия. Конфиденциальность. Ограничения на комментарии прессе. Протокол безопасности.

— Да.

— Почему проживание обязательно совместное?

— Потому что фиктивный брак, в котором супруги живут на разных концах Москвы, заинтересует прессу быстрее, чем настоящий.

— Логично.

— Рад, что мы нашли первую точку согласия.

Я подняла глаза.

— Не привыкайте.

Перевернула ещё страницу.

— Здесь нет ничего о моей работе.

— А должно?

— Если вы ожидаете, что я перееду к вам и буду доступна по расписанию ваших мероприятий, должно. Мастерскую я не закрываю. Клиентов не передаю. Рабочий график согласовывать с вашей службой безопасности не собираюсь.

— Последнее не получится.

— Тогда не получится брак.

Тишина стала плотнее.

Кирилл смотрел на меня без раздражения. Скорее пересчитывал условия.

— Вы будете уведомлять охрану о перемещениях, связанных с публичными рисками.

— Что такое *«публичные риски»*?

— Мероприятия, поездки, места с прессой, встречи, которые могут быть использованы против меня.

— Моя мастерская к ним относится?

— Нет.

— Частные клиенты?

— Пока нет.

— *«Пока»*убираем.

— Нет.

— Тогда определяем критерии письменно.

Он помолчал.

— Хорошо.

Первый уступленный пункт.

Я листнула дальше.

— Личная переписка, телефон, компьютер.

— Не контролируются, если служба безопасности не фиксирует угрозу.

— Формулировку *«фиксирует угрозу»*тоже придётся определить.

— Вы всегда читаете договоры как уголовные дела?

— Только те, где мне предлагают выйти замуж за человека, которого я знаю меньше часа.

Он откинулся на спинку кресла.

— Продолжайте.

Я продолжила.

— Отдельные спальни.

— Разумеется.

— Никаких требований супружеской близости.

— Левина, — впервые в голосе появился оттенок усталости. — Я покупаю ваш официальный статус, а не тело.

Фраза прозвучала резко, но без пошлости.

Я закрыла страницу.

— Тогда это тоже должно быть написано так, чтобы ни один ваш юрист не смог однажды истолковать иначе.

— Будет.

— И никаких ограничений на мою личную жизнь за закрытыми дверями.

— Пока она остаётся действительно за закрытыми дверями и не превращается в заголовок.

— Взаимно.

— Я не планирую создавать вам проблемы такого рода.

— Очень великодушно.

— Практично.

Мы снова оказались там же, где начали.

Я перевернула последнюю страницу приложения.

— Компенсация.

— Десять миллионов евро после истечения года.

Я подняла голову.

— Почему так много?

— Чтобы вы не пытались заработать на этой истории другими способами.

— Честность закончилась?

— Нет. Продолжается.

Он говорил совершенно серьёзно.

— И долг Эдуарда?

— После заключения брака претензии к вам прекращаются немедленно. Материалы по вашему поручительству остаются в архиве до окончания экспертизы. Что касается Воронова, его обязательства будут урегулированы отдельно.

— *«Урегулированы»* как?

— Если он вернёт то, что может вернуть, и даст объяснения — без лишней публичности.

— А если не вернёт?

— Тогда решение будет зависеть от того, что именно он сделал.

Я внимательно посмотрела на него.

— Вы не обещаете его спасти.

— Нет.

— И не обещаете посадить.

— Тоже нет.

Это был первый ответ за весь вечер, которому я поверила без оговорок.

Я снова посмотрела в договор.

Десять миллионов евро.

Год.

Чужой дом.

Чужая фамилия.

Публичная роль женщины, которая якобы выбрала Кирилла Северского добровольно и по любви.

Смешнее всего было последнее.

— Когда вам нужен ответ?

— Сейчас.

Я закрыла папку.

— Нет.

Его лицо не изменилось.

— Нет — в смысле отказ?

— Нет — в смысле ответа сейчас не будет.

— У вас нет времени на долгие размышления.

— А у вас, судя по всему, нет запасной невесты. Значит, мы оба ограничены во времени.

В кабинете впервые стало по-настоящему тихо.

Я услышала едва заметный гул вентиляции и далёкий звук машины с улицы, хотя находились мы слишком высоко, чтобы различать отдельные двигатели.

Северский медленно поднялся.

— Вы торгуетесь.

— Я читаю условия.

— Результат один.

— Нет. Торг — это когда мне уже нужен ваш товар. Я пока решаю, нужен ли он вообще.

На несколько секунд его взгляд стал жёстче.

Вот теперь передо мной был человек с журнальных обложек.

Не потому что он повысил голос.

Наоборот. Он перестал делать хоть что-нибудь лишнее.

— Что вам нужно для решения?

— Забрать проект домой.

— Документы конфиденциальны.

— Тогда посадите рядом юриста и дайте мне комнату до утра.

— Вы серьёзно собираетесь читать всё это ночью?

— Вы серьёзно предлагаете мне год жизни. Думаю, документ заслуживает нескольких часов.

Он посмотрел на папку.

Потом на меня.

— Копию можете забрать. Без приложений, содержащих структуру траста.

— Значит, там есть приложения, которые вы мне пока не показываете.

— Есть информация, которая не имеет отношения к вашим обязательствам до момента подписания.

— Ненавижу и эту формулировку.

— Я уже понял.

Он нажал кнопку внутренней связи.

— Марина, подготовьте для Агнии Ильиничны копию проекта без закрытых приложений. Юридический отдел пусть будет доступен до полуночи для письменных замечаний.

Пауза.

— Да. Сегодня.

Он отключил связь.

— Ответ завтра в шесть.

— Я не назначала время.

— Я назначил.

— Тогда рискуете ждать.

— Вы придёте.

Слишком уверенно.

Я взяла сумку.

— Не люблю людей, которые заранее знают, что я сделаю.

— А я не люблю неопределённость.

— Похоже, год будет длинным.

Слова вырвались раньше, чем я успела их остановить.

Мы оба это заметили.

Кирилл слегка прищурился.

— Значит, вы уже рассматриваете предложение.

— Значит, я умею пользоваться условным наклонением.

— Конечно.

Я направилась к двери.

— Агния.

Его голос остановил меня у самого выхода.

Я обернулась.

Северский стоял за столом, опираясь ладонями на край. Лицо снова было спокойным, но усталость, которой я не замечала в начале разговора, теперь проступила отчётливее: тень под глазами, напряжение возле рта, слишком неподвижные плечи.

— Не обсуждайте предложение с Вороновым, если он выйдет на связь.

— Почему?

— Потому что он уже однажды принял решение за вас.

Я задержалась.

Это попало точнее, чем ему следовало.

— А вы собираетесь поступить иначе?

— Я даю вам выбор.

— Вы даёте мне выбор между вашей сделкой и последствиями его поступка.

— Других вариантов у нас нет.

— Варианты есть всегда, Северский. Просто некоторые людям вашего типа не нравятся.

Он не ответил.

В приёмной меня уже ждала копия договора в чёрной папке без логотипа.

Я расписалась только за получение документов — внимательно посмотрев, где именно ставлю подпись, — и убрала папку в сумку.

В лифте телефон завибрировал.

Вера.

«Прошёл час».

Я посмотрела на время.

19:11.

Ответила:

«Жива. Еду домой».

Три точки появились почти сразу.

«И?»

Я открыла сумку и посмотрела на край чёрной папки.

Можно было написать: *«Он предложил списать проблемы Эдуарда»*.

Можно было: *«Северский оказался не таким, как я ожидала»*.

Можно было вообще ничего не объяснять до встречи.

Вместо этого я набрала:

«Мне предложили работу».

Вера ответила через несколько секунд:

«Какую?»

Двери лифта открылись в холл.

Я вышла к стеклянному фасаду, за которым дождь превратил вечернюю Москву в размытые пятна света.

Посмотрела на сообщение ещё раз.

И написала:

«Женой».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сделка

Ночью договор занял весь мой кухонный стол.

Пятьдесят восемь страниц лежали тремя стопками: то, что меня устраивало; то, что требовало правки; и то, что я пока не понимала настолько, чтобы ставить под ним подпись. Третья стопка оказалась самой тонкой, но именно к ней я возвращалась чаще всего.

Вера сидела напротив, поджав под себя одну ногу, и ела остывшую лапшу прямо из картонной коробки. Она пришла ко мне на Чистые пруды через двадцать минут после моего сообщения и с тех пор успела дважды назвать Северского сумасшедшим, один раз — талантливым манипулятором и ещё несколько раз выразиться так, что договору о конфиденциальности стало бы неловко.

— Десять миллионов евро, — сказала она, снова перечитывая страницу с компенсацией. — Я правильно вижу?

— Правильно.

— За год?

— За год.

Она медленно положила вилку.

— Забираю назад всё, что говорила про твой костюм библиотечного террориста. В следующий раз можешь ехать к нему хоть в халате.

— Следующего раза может не быть.

— Ты сама в это веришь?

Я не ответила.

За окном блестел мокрый асфальт. Двор, который днём гудел машинами и голосами, к полуночи почти стих. В квартире пахло кофе, пылью старых книг и лапшой с имбирём. Здесь всё было знакомым: светлая скатерть, которую мама выбирала слишком долго; старый буфет с треснувшей латунной ручкой; тёмный след на подоконнике от цветочного горшка, переживший несколько ремонтов.

На этом фоне чёрная папка Северского выглядела чужой вещью, оставленной по ошибке.

Я снова открыла раздел о проживании.

— Совместный адрес обязателен, — сказала Вера. — Это уже не выглядит как «изображать брак пару раз в месяц».

— Он объяснил почему.

— И ты поверила?

— В этой части — да. Если люди официально женаты и сразу живут отдельно, журналистам не придётся особенно стараться.

— Ты говоришь так, будто уже решила.

Я поставила карандаш на поле напротив пункта 4.2 и провела короткую вертикальную линию.

— Я говорю так, будто читаю договор.

— Агния.

— Что?

— Скажи нормально. Ты собираешься согласиться?

Я подняла глаза.

Вера знала меня слишком давно, чтобы удовлетвориться красивым ответом. Поэтому я дала ей честный.

— Не знаю.

— А хочется?

— Это не тот вопрос.

— Именно тот.

Я отложила карандаш.

— Мне не хочется выходить замуж за Кирилла Северского. Мне хочется, чтобы Эдуард не оказался в тюрьме из-за собственной глупости. Хочется понять, почему Северскому понадобилась именно я. И ещё мне очень не нравится, когда человек считает, что уже просчитал мой ответ.

— Последнее звучит опаснее всего.

— Для кого?

Вера посмотрела на меня и вздохнула.

— Вот поэтому я и приехала.

Она придвинула к себе договор.

— Что здесь ты уже изменила?

— Работу. Он не получает права вмешиваться в мастерскую, выбирать клиентов или определять мой график. Передвижения — только уведомление службы безопасности, если есть объективный риск. Личная переписка и устройства неприкосновенны, кроме чрезвычайной ситуации.

— «Чрезвычайной» по версии кого?

— Именно это я и написала на полях.

— Молодец.

— Спасибо, мама.

— Пожалуйста, дочь, которая решила выйти замуж за миллиардера через день после знакомства.

— Я ещё не решила.

— Конечно.

Вера перелистнула несколько страниц.

— Отдельные спальни.

— Да.

— Отдельные счета.

— Да.

— И отдельная личная жизнь, если никто не узнает.

— Взаимно.

Она подняла бровь.

— Он так и сказал?

— Почти.

— Романтик.

— Мы оба переживём.

Вера на несколько секунд замолчала, потом закрыла папку ладонью.

— А если через месяц ты поймёшь, что не можешь там жить?

Вот этот вопрос был правильным.

Я нашла раздел о досрочном прекращении соглашения. Формулировки были подробными, но смысл укладывался в одну строку: уйти я могла в любой момент, только без компенсации и без обязательства Северского решать проблемы Эдуарда.

— Тогда уйду.

— И останешься без десяти миллионов.

— Переживу.

— А Воронов?

Я задержала взгляд на тексте.

— Его долг не может быть ценой моей свободы. Если в договоре останется хоть одна формулировка, которая позволяет Северскому удерживать меня из-за Эдуарда, я не подпишу.

Вера долго смотрела на меня.

— Вот теперь я тебя узнаю.

Я снова взяла карандаш.

До двух часов ночи мы прошли договор ещё раз. Вера находила места, где обычный человек задал бы неудобный вопрос. Я — места, где юрист оставил слишком широкую формулировку. Иногда это совпадало.

Когда она наконец ушла, на полях было столько заметок, что аккуратный документ перестал выглядеть безупречным.

Мне это нравилось.

Перед сном я ещё раз проверила телефон.

От Эдуарда — ничего.

Я набрала его номер, дождалась привычного сообщения о недоступном абоненте и положила телефон экраном вниз.

На этот раз злость пришла раньше тревоги.

Если он действительно использовал мою подпись, разговор у нас будет долгим.

Если не использовал — ещё длиннее.

***

Утром договор посмотрел юрист, который несколько лет сопровождал аренду моей мастерской и иногда спасал меня от формулировок, придуманных людьми с очень дорогими часами и слишком свободным временем.

Он читал почти час, время от времени делая пометки на стикерах.

— Необычно, — сказал он наконец.

— Это я уже поняла.

— Я не про предложение. Про сам текст. Он жёсткий, но не хищнический.

— Обнадёживает.

— Не слишком. Здесь хорошо защищены его интересы, но ваши тоже не забыли. Имущество раздельное. Ваши профессиональные доходы остаются вашими. Обязательства Воронова на вас не переводятся. Нет скрытого согласия на управление вашими счетами, медицинскими решениями или личной собственностью.

— А плохая новость?

Он снял очки.

— Я не вижу юридической ловушки, Агния. Но я не могу объяснить, зачем человеку вроде Северского платить десять миллионов евро за то, что обычно получают намного дешевле.

— Законную жену?

— Сговорчивую законную жену.

— Тогда всё сходится. Я ему не подхожу.

Юрист усмехнулся.

— Это как раз может быть частью цены.

Он постучал пальцем по моим пометкам.

— Вот эти правки разумные. Эти — обязательные. А здесь вы немного воюете ради удовольствия.

— Какой пункт?

— Запрет персоналу входить в ваше рабочее помещение без разрешения.

— Это не удовольствие.

— У вас дома будет мастерская?

— Теперь будет.

Он посмотрел на меня поверх очков, но спорить не стал.

— Тогда требуйте отдельный замок.

Я записала и это.

В «Северский Плаза» я вернулась до полудня.

На этот раз меня отвели не в кабинет Кирилла, а в небольшую переговорную двумя этажами ниже. На столе уже лежали свежие распечатки, вода, ноутбуки и несколько одинаковых ручек. Напротив сидели двое юристов — мужчина и женщина примерно моего возраста — с выражением людей, которым сообщили, что обычное утреннее совещание внезапно превратилось в полноценные переговоры.

Мартынов занял место у окна.

Он не участвовал. Просто присутствовал.

Мне всё меньше нравилось, как естественно у него это получалось.

— Начнём с раздела о работе, — сказала женщина-юрист.

— Начнём с права на досрочный выход.

Она мельком посмотрела на коллегу.

— Хорошо.

Следующие два часа прошли гораздо приятнее, чем я ожидала.

Юристы Северского не пытались меня запугивать. Они спорили, объясняли, иногда категорически отказывали и почти всегда предлагали другой вариант формулировки. Я не изображала из себя специалиста по семейному праву: где не понимала — спрашивала, где сомневалась — записывала и просила объяснить ещё раз.

К концу разговора исчез пункт, который позволял службе безопасности слишком широко трактовать понятие «угроза». Вместо него появился перечень конкретных оснований для усиленного сопровождения. Доступ к моему телефону и компьютеру без моего согласия исключили, кроме ситуации непосредственной угрозы жизни, причём с обязательным письменным уведомлением после события.

Мастерская и все связанные с ней договоры оставались полностью вне структуры Северского.

Мои клиенты — тоже.

В доме мне выделялось отдельное помещение для работы, куда персонал мог входить только по моему разрешению, за исключением пожара, аварии и иных очевидных чрезвычайных обстоятельств.

Пункт о досрочном прекращении переписали так, чтобы долг Эдуарда не становился способом удержать меня в браке. Если я уходила раньше срока, то теряла компенсацию, но поддельное поручительство всё равно проходило независимую экспертизу, а Северский не получал никаких дополнительных прав на моё имущество.

Вот после этого я впервые допустила мысль, что действительно могу подписать.

Дверь переговорной открылась без стука.

Кирилл вошёл один.

Сегодня на нём был тёмный костюм без жилета, и выглядел он так, будто за утро уже успел прожить отдельный рабочий день. Он коротко кивнул юристам, затем увидел исписанный экземпляр передо мной.

— Вижу, вы хорошо провели время.

— Ваши юристы — прекрасные собеседники.

Женщина напротив едва заметно улыбнулась.

— Особенно когда им разрешают удалять ваши любимые пункты, — добавила я.

Кирилл снял пиджак и положил на спинку свободного кресла.

— Какие потери?

Мужчина-юрист начал перечислять изменения.

Северский слушал молча. Один раз попросил вернуть более жёсткую формулировку по охране. Я отказалась. Он посмотрел на меня, потом предложил компромисс, который меня устроил.

Ещё один спор возник из-за графика публичных мероприятий.

— Сорок восемь часов предупреждения, — сказала я.

— Нереалистично.

— Тогда двадцать четыре.

— Для плановых мероприятий.

— А внеплановые?

— По возможности.

— «По возможности» не формулировка.

Кирилл потёр переносицу.

— Вы собираетесь за год извести мой юридический департамент.

— Это не запрещено договором.

Мартынов кашлянул у окна.

Мне показалось, он скрывает улыбку.

В итоге записали: для плановых мероприятий — не позднее чем за сутки; для срочных — сразу после того, как необходимость участия становится известна.

— Всё? — спросил Кирилл.

Я просмотрела список ещё раз.

— Почти.

— Что осталось?

— Фамилия.

Женщина-юрист нашла нужное место.

— По текущей редакции Агния Ильинична вправе сохранить фамилию Левина.

Кирилл посмотрел на меня.

— Меня это устраивает.

— Меня тоже.

Я не стала менять пункт.

Тогда мне казалось, что этот вопрос решён.

Кирилл сел напротив.

— Теперь ответ.

Я закрыла папку.

Вчера его предложение звучало абсурдно. За ночь оно не стало нормальным. Просто приобрело границы, суммы, сроки и условия выхода.

Иногда страх уменьшается не потому, что опасность исчезает, а потому, что у неё появляются размеры.

— Если все согласованные правки войдут в финальный текст, — сказала я, — я подпишу.

Юристы перестали листать бумаги.

Мартынов повернул голову от окна.

На лице Кирилла не произошло почти ничего.

Только плечи, до этого чуть напряжённые, едва заметно расслабились.

— Значит, да.

— Значит, я согласна подписать договор на согласованных условиях.

— Левина, это и называется «да».

— Для человека, который превратил предложение руки и сердца в юридический проект, вы неожиданно требовательны к романтическим формулировкам.

— Я переживу.

— Я тоже.

Он поднялся.

— Финальная редакция будет готова к вечеру.

— Я прочитаю её ещё раз.

— Я не сомневался.

***

К вечеру на столе снова лежали пятьдесят восемь страниц.

Чистые. Без карандашных пометок. Без жёлтых стикеров. Все согласованные изменения были внесены, каждое приложение стояло на своём месте, а рядом ждала тяжёлая ручка из белого золота.

Дальше разговор пошёл почти так, как Северский, вероятно, представлял его ещё вчера: условия, последние вопросы, подписи.

Только одного он всё ещё не понимал.

Я соглашалась не потому, что он прижал меня к стене долгом Эдуарда.

Мне нужен был ответ на вопрос, которого в договоре не существовало: почему именно я.

Когда последняя подпись появилась на бумаге, нотариус собрал экземпляры, поставил отметки и убрал один комплект в папку.

Северский посмотрел на часы.

— Нам пора.

— Куда?

Он уже надевал пиджак.

— Регистрировать брак.

Я нахмурилась.

— Сегодня?

— Именно так обычно происходит после подписания брачного договора.

— Обычно люди подают заявление заранее.

— Заявление подадим сегодня.

— И зарегистрируемся тоже сегодня?

— Да.

Я медленно поднялась.

— У вас очень талантливые юристы.

— Иногда даже полезные.

Он направился к двери.

— Северский.

Кирилл остановился.

— На каком основании сокращён срок регистрации?

Несколько секунд он смотрел на меня спокойно.

— На законном.

— Я не сомневалась. Каком именно?

— В ЗАГСе есть все необходимые документы.

— Это опять не ответ.

— Пока другого не будет.

Мне не понравилось слово «пока».

Второй раз за сутки.

Но спорить в коридоре я не стала.

***

Вера ждала нас у входа во дворец бракосочетания.

Она успела переодеться после работы: вместо свитера с пятном реставрационного грунта на ней было простое чёрное платье и длинное серое пальто. В руках — никакого букета. За это я была ей благодарна.

Увидев Кирилла, она окинула его таким внимательным взглядом, что на месте менее уверенного мужчины я бы начал проверять документы.

— Вера Корнеева, — представила я. — Моя подруга.

— Кирилл Северский.

— Я догадалась.

Они пожали друг другу руки.

Мартынов стоял чуть в стороне и делал вид, что не слышит.

— Можно тебя на минуту? — спросила Вера.

Мы отошли к окну.

— Ты точно этого хочешь?

— Я точно понимаю, что делаю.

— Это не одно и то же.

— В моём случае достаточно.

Она внимательно всмотрелась в моё лицо.

— Если скажешь «нет» прямо сейчас, я увезу тебя отсюда.

— На чём?

— Найду.

Я улыбнулась.

— Не понадобится.

— Ненавижу, когда ты так спокойно говоришь вещи, от которых у меня начинается тахикардия.

— Это временно.

— Очень надеюсь.

К нам подошёл Мартынов с небольшим чёрным футляром.

— Кирилл Андреевич просил передать.

Внутри лежали два обручальных кольца.

Без камней, гравировки и демонстративной дороговизны. Простые платиновые полосы.

Я взяла меньшее.

Размер подходил.

Конечно.

— Не спрашивай, — тихо сказала Вера.

— Я и не собиралась.

— Врёшь.

— Немного.

Регистрация проходила в небольшом зале без гостей и фотографов. Только сотрудница дворца, мы с Кириллом, Вера и Мартынов. Даже музыка была едва слышна — нейтральная инструментальная композиция, которую, вероятно, включали для сотен совершенно разных пар.

На столе лежали документы.

Сотрудница ещё раз проверила паспорта и заявление.

— Срок регистрации сокращён на основании представленных документов, — произнесла она деловым тоном. — Возражений у сторон нет?

— Нет, — ответил Кирилл.

Я посмотрела на него.

Он почувствовал взгляд, но головы не повернул.

— Нет, — сказала я.

Дальше всё оказалось удивительно обыденным.

Нас спросили, является ли решение добровольным.

Кирилл ответил первым.

— Да.

Я услышала собственное:

— Да.

Никакого внутреннего грома.

Никаких фанфар.

Просто два коротких слова, после которых сотрудница перевернула страницу и указала места для подписей.

Я расписалась своей прежней фамилией в последний раз там, где это требовалось документами.

Потом прозвучал вопрос:

— Какую фамилию будете носить после регистрации брака?

В договоре было записано, что я вправе оставить свою.

Ещё утром я собиралась именно так и поступить.

Но теперь, стоя рядом с Кириллом и понимая, какую роль мне предстоит играть перед людьми, я неожиданно увидела очевидную проблему. Жена, выбранная ради убедительности, которая уже в первый день подчёркивает дистанцию фамилией, породит больше вопросов, чем ответов.

Я не любила полумеры.

— Северская.

Кирилл повернул голову.

Впервые за весь день мне удалось его действительно удивить.

— Хорошо, — сказала сотрудница и внесла запись.

Вера за моей спиной очень тихо выдохнула.

Когда дошло до колец, Кирилл взял мою левую руку.

До этого мы почти не касались друг друга.

Его пальцы были тёплыми и сухими. Движение — точным, без торжественности. Платиновое кольцо прошло по пальцу и остановилось у основания, непривычно тяжёлое для такой простой вещи.

Затем настала моя очередь.

Я надела кольцо ему.

На мгновение наши пальцы соприкоснулись.

Кирилл посмотрел на меня.

Не на кольцо.

На меня.

Я первой отвела руку.

Сотрудница произнесла положенные слова, поздравила нас и передала свидетельство.

Вот и всё.

Государству понадобилось несколько минут, чтобы сделать из двух почти незнакомых людей семью.

Вера обняла меня сразу после выхода из зала.

Я не успела уклониться.

— Поздравлять тебя или соболезновать? — прошептала она мне на ухо.

— Решим через год.

— Я поставлю напоминание.

Она отпустила меня и посмотрела на Кирилла.

— Берегите её.

— Вера.

— Что? Я имею право хотя бы один раз сказать что-нибудь банальное на свадьбе.

Кирилл ответил не сразу.

— Постараюсь.

Не «обещаю».

Не «разумеется».

Постараюсь.

Почему-то именно этот ответ прозвучал убедительнее любой вежливости.

У выхода Вера отказалась от машины Северского и ушла к метро, предварительно заставив меня пообещать написать вечером.

Мы с Кириллом остались под навесом вдвоём. Мартынов разговаривал по телефону в нескольких шагах от нас.

Шёл мелкий дождь.

Кирилл протянул мне матовую чёрную карту.

— Что это?

— Доступ в дом. Ворота, главный вход, ваше крыло, рабочее помещение. Остальные зоны настроят завтра.

Я повертела карту в пальцах.

— Быстро.

— Я не люблю оставлять организационные вопросы на потом.

— Я заметила.

Он посмотрел на свидетельство в моей руке.

— Агния Северская.

Новая фамилия прозвучала непривычно даже в его голосе.

— Не злоупотребляйте.

— Это было необязательно.

— Что именно?

— Брать мою фамилию. В договоре осталось право сохранить вашу.

— Я умею читать документы, помните?

— Тогда зачем?

Я убрала карту в сумку.

— Потому что вы покупаете убедительность. Жена Северского по фамилии Левина через день после свадьбы — лишний повод задавать вопросы.

— Только поэтому?

— Вам хотелось другой причины?

На его лице появилась почти незаметная улыбка.

— Нет.

Он открыл передо мной дверь машины.

— Завтра в девять за вами приедут. Возьмите всё необходимое на первое время. Остальное перевезём позже.

Я села в салон, но прежде чем он закрыл дверь, спросила:

— Кирилл.

Он задержался.

— Что за документы позволили зарегистрировать брак сегодня?

Улыбка исчезла.

— Я сказал: основание законное.

— А я спросила не об этом.

— Знаю.

— И?

— Не сегодня, Агния.

Я несколько секунд смотрела на него.

Он не отвёл глаз.

Наконец я кивнула.

Не потому, что вопрос исчез.

Потому что запомнила ответ.

Дверь закрылась.

Машина тронулась от бордюра, и я достала из сумки свидетельство о браке.

Ещё вчера Кирилл Северский был для меня фамилией из деловых новостей и человеком, чья служба безопасности принесла в мастерскую чужой долг с моей поддельной подписью.

Сегодня утром он был мужчиной по другую сторону стола, с которым я торговалась за право распоряжаться собственной жизнью.

Теперь в свидетельстве рядом с моим именем стояло его.

Закон превратил незнакомца в мужа несколькими подписями и одной записью в реестре.

С доверием, судя по всему, предстояло гораздо больше работы.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Золотая клетка

В девять утра у ворот нашего двора стоял чёрный автомобиль с водителем, который знал моё новое имя раньше, чем я успела к нему привыкнуть.

— Доброе утро, Агния Ильинична, — сказал он, забирая у меня чемодан. — Кирилл Андреевич просил доставить вас в Серебряный Бор.

«Доставить».

Я задержалась на этом слове, пока он укладывал вещи в багажник. В нём было что-то от курьерской службы: забрать объект по одному адресу и передать по другому, не задавая лишних вопросов.

Вера стояла рядом со мной в распахнутом пальто и держала бумажный стакан кофе обеими руками. На работу она пришла раньше обычного исключительно ради того, чтобы проследить, как меня увезут в законный брак.

— Последний шанс сбежать, — тихо сказала она.

— Куда?

— Не знаю. Могу предложить мастерскую. У меня есть раскладушка и очень плохой чай.

— Звучит убедительнее десяти миллионов евро.

— Я серьёзно.

Я посмотрела на неё.

Вера тоже не улыбалась.

Вчера она шутила почти без остановки — про мою новую фамилию, про необходимость купить мне свадебный подарок и про то, что нормальные люди после регистрации брака едут хотя бы в ресторан, а не расходятся по разным машинам. Сегодня шутки закончились. Остался человек, который знал меня слишком давно и потому не верил в спокойствие, если видел его у меня на лице.

— Я сама согласилась, — напомнила я.

— Я знаю.

— Договор проверен.

— Знаю.

— У меня есть право работать, распоряжаться своими деньгами и расторгнуть брак, если Северский нарушит условия.

— И это я тоже знаю.

— Тогда что именно тебя беспокоит?

Вера посмотрела на автомобиль.

— Что ты всё перечисляешь как пункты договора.

Я ничего не ответила.

Она подошла ближе и поправила ворот моего пальто — жест совершенно ненужный и потому почти материнский.

— Позвони вечером.

— Позвоню.

— Не сообщением.

— Вера.

— Голосом.

— Хорошо.

Она отступила.

— И если он окажется психопатом...

— Ты приедешь спасать меня с мастихином?

— С растворителем. Мастихином долго.

Я всё-таки улыбнулась.

Вера обняла меня коротко, без сантиментов, и первой отвернулась.

Через минуту машина выехала со двора.

Москва за стеклом жила обычным утром. Курьеры лавировали между машинами, люди спешили к метро, кто-то ругался с таксистом у перекрёстка. Мир не заметил, что у меня за сутки изменились фамилия, семейное положение и адрес.

Я смотрела на знакомые улицы и думала о том, что слишком легко покинула мастерскую.

Не потому, что хотела остаться.

Просто человек обычно замечает границу между прежней жизнью и новой уже после того, как её пересёк.

За городом движение стало свободнее. Высотки исчезли, потом поредели дома, потянулись сосны. Водитель почти не разговаривал. Один раз уточнил, не сделать ли теплее, и больше не нарушал тишины.

Я не спрашивала, далеко ли ещё.

Мне было известно куда мы едем.

О резиденции Северского иногда писали в деловой прессе, хотя фотографий почти не существовало. Серебряный Бор, закрытая территория, частный подъезд, охрана. Журналисты называли дом «резиденцией», что заставляло представлять колонны, лепнину и ворота с золотыми вензелями.

Ворота действительно были.

Золота — нет.

Высокие металлические створки открылись без остановки машины. За ними шла длинная дорога между соснами. Снега ещё не было, только мокрая хвоя темнела после ночного дождя, и воздух даже через закрытые окна казался холоднее городского.

Дом появился не сразу.

Сначала — бетонная стена, почти сливающаяся с деревьями. Потом стекло. Затем длинный низкий фасад, собранный из серого камня, дерева и больших окон.

Никаких башен.

Никакой демонстративной роскоши.

Он выглядел не как дворец человека, которому есть что показать, а как место человека, которому есть что спрятать.

Машина остановилась у входа.

Водитель успел открыть мне дверь раньше, чем я коснулась ручки.

На крыльце уже ждала женщина.

Ей было около шестидесяти. Сухая, прямая, в тёмном платье без украшений. Седые волосы собраны в аккуратный узел. Она не улыбалась, но и не разглядывала меня с любопытством.

Взгляд был профессиональным.

Так осматривают новое обстоятельство, которое предстоит встроить в давно установленный порядок.

— Добро пожаловать, Агния Ильинична, — сказала она. — Варвара Степановна. Я управляю домом.

— Здравствуйте.

Она перевела взгляд на чемодан.

— Это всё?

— На первое время.

— Остальные вещи можно забрать позже. Или я распоряжусь, чтобы их привезли.

— Я сама решу.

Пауза получилась короткой, но вполне различимой.

— Разумеется, — ответила Варвара Степановна.

Первую проверку мы обе заметили.

И обе сделали вид, что её не было.

Внутри дом оказался тише, чем я ожидала.

Не просто хорошо изолирован — именно тих. Пол поглощал шаги, двери закрывались без щелчков, даже вентиляция работала почти неслышно. Пространство было большим, но не пустым: низкая мебель, дерево тёмных оттенков, камень, несколько графических работ на стенах.

Я невольно замедлила шаг возле одной из них.

Небольшой лист в глубокой раме. Сухая игла, конец девятнадцатого века. Хорошая сохранность, грамотное паспарту, музейное стекло.

— Оригинал, — сказала Варвара Степановна.

Я посмотрела на неё.

— Я ничего не спрашивала.

— Но остановились.

— Привычка.

— В доме есть ещё несколько работ. Кирилл Андреевич не собирает живопись, но графику иногда покупает.

Это было первым фактом о нём, который не имел отношения к деньгам, болезни или договорам.

Я запомнила.

— Он дома?

— Уехал в офис рано утром. Вернётся к ужину.

— Значит, у меня есть несколько часов свободы.

Варвара Степановна остановилась у лестницы.

— В этом доме вас никто не запирает, Агния Ильинична.

Сказано было ровно.

Без обиды.

— Я этого и не утверждала.

— Хорошо.

Она пошла дальше.

Лестница поднималась вдоль стеклянной стены. За ней стояли сосны — настолько близко, что ветви почти касались фасада.

Мою комнату подготовили в восточной части второго этажа.

Не комнату.

Небольшую квартиру внутри дома: спальня, гардеробная, ванная, кабинет и отдельная дверь на террасу.

Я вошла и остановилась.

Не от восторга.

От раздражения.

В гардеробной висела одежда.

Платья, брюки, рубашки, несколько костюмов. Всё в спокойных цветах и, судя по биркам, моего размера.

Я провела пальцами по рукаву тёмно-зелёного жакета.

— Это что?

— Гардероб для официальных мероприятий и поездок.

— Я вижу. Кто его выбирал?

— Стилист Кирилла Андреевича.

— По каким меркам?

Варвара Степановна чуть поджала губы.

— Служба протокола получила необходимые данные.

— Откуда?

— Этого я не знаю.

Я сняла жакет с вешалки, посмотрела на размер и вернула на место.

Совпадал.

Конечно.

В кармане завибрировал телефон.

Сообщение от Веры:

«Жива?»

Я написала:

«Пока да. У них есть мой размер одежды».

Ответ появился почти сразу.

«БЕГИ».

Я убрала телефон.

— Мои собственные вещи останутся здесь, — сказала я.

— Разумеется.

— И никто не будет решать, что я надеваю, если это не официальное мероприятие.

— Я не стилист, Агния Ильинична.

— Это не вам. Просто хочу, чтобы правило существовало ещё до того, как возникнет спор.

Варвара Степановна посмотрела на меня внимательнее.

Кажется, впервые не как на пункт нового распорядка.

— Тогда лучше сообщить его Кириллу Андреевичу лично.

— Сообщу.

Она показала ванную, кабинет, систему вызова персонала и маленькую кухонную нишу, которой, по её словам, «почти никто не пользуется».

— Завтрак подаётся с семи до десяти, обед — по необходимости. Ужин обычно в восемь, если хозяин дома.

Я отметила слово «хозяин».

— А если не дома?

— Для вас приготовят отдельно.

— Можно без приготовления. Я умею открыть холодильник.

Варвара Степановна чуть заметно подняла брови.

— Это хорошо.

На тумбе возле кровати лежала тонкая пластиковая карта.

— Ваша.

Я узнала тот же формат, что Кирилл дал мне вчера после регистрации.

— Ещё одна?

— Эта открывает внутренние помещения. Вчерашняя — въезд и наружный периметр.

— Все помещения?

— Нет.

Ответ последовал слишком быстро.

— Какие не открывает?

— Западное крыло, рабочий кабинет Кирилла Андреевича и технические зоны.

— Западное крыло?

— Его спальня и личные комнаты.

Я посмотрела в коридор.

Дом вдруг приобрёл географию.

Восток — мой.

Запад — его.

Между ними лестница, гостиная, столовая, библиотека и договор длиной в несколько десятков страниц.

Очень символично.

— Персонал туда тоже не входит?

— По графику. И только когда Кирилла Андреевича нет.

— Он настолько не любит людей?

Варвара Степановна впервые позволила себе подобие улыбки.

— Он не любит, когда кто-то трогает его вещи.

— Я тоже.

— Тогда, возможно, вы уживётесь.

Сказав это, она будто сама решила, что позволила себе лишнее. Лицо снова стало спокойным.

— Если понадобится помощь, наберите внутренний номер. Я буду внизу.

— Спасибо.

Она направилась к двери.

— Варвара Степановна.

Женщина обернулась.

— Давно вы здесь работаете?

— Достаточно.

— Это сколько?

— Дольше, чем Кирилл Андреевич живёт один.

И вышла.

Ответ был не грубым.

Просто закрытым.

Похоже, в этом доме личная информация выдавалась порциями даже прислугой.

Я распаковала чемодан сама.

Это заняло меньше получаса.

Моя жизнь действительно помещалась удивительно компактно: несколько комплектов одежды, ноутбук, косметичка, книги, блокнот, перчатки для работы и маленькая фотография матери, которую я последние три года возила с собой, но почти никогда не выставляла на виду.

Поставила её на стол.

На снимке маме было сорок с небольшим. Волосы собраны небрежно, на щеке след мела — фотографировали её в институтской аудитории. Она смотрела в объектив с выражением человека, который только что кому-то что-то доказал.

Я провела пальцем по краю рамки.

— Ну вот, — тихо сказала я. — Ты бы оценила.

Не уточнила что именно.

Брак по договору.

Мужа-миллиардера.

Гардероб, который купили без моего участия.

Или тот факт, что за последние сутки я всё чаще вспоминала её предупреждение никогда не принимать решение только потому, что тебя торопят.

Меня никто не торопил.

В этом и заключалась проблема.

Я приняла решение сама.

К полудню я обошла доступную часть дома.

Не из любопытства.

Так я себе сказала.

На первом этаже были гостиная, столовая, небольшая зимняя зона со стеклянной стеной, тренажёрный зал и библиотека.

В библиотеке я задержалась.

Полки занимали две стены до потолка. Экономика, история, архитектура, корпоративное управление, биографии, несколько альбомов по графике.

Книги выглядели прочитанными неравномерно.

Некоторые корешки были почти нетронуты, другие — с мягкими заломами, закладками, карандашными метками.

Я вытащила альбом немецкой печатной графики.

На полях — ничего.

Кирилл не писал в книгах.

Это почему-то тоже показалось мне характерным.

В дверь тихо постучали.

Варвара Степановна внесла поднос.

— Вы пропустили обед.

— Я не просила.

— Поэтому принесла чай.

На подносе кроме чайника стояла маленькая тарелка с бутербродами.

— Это приказ Северского?

— Нет.

— Тогда спасибо.

Она поставила поднос на столик.

Я закрыла альбом.

— Вы всегда знаете, где находятся люди в доме?

— Обычно.

— Камеры?

— В общих зонах и по внешнему периметру.

— В жилых комнатах?

Варвара Степановна посмотрела на меня так, будто вопрос её слегка оскорбил.

— Нет.

— Хорошо.

— Кирилл Андреевич может быть сложным человеком, Агния Ильинична. Но не настолько.

Я чуть улыбнулась.

— Вы его защищаете.

— Я сообщаю факт.

— Разница тонкая.

— Не для меня.

Она ушла.

К вечеру дом перестал казаться чужим и начал казаться временным.

Это было хуже.

С чужим пространством всё понятно: ты гость, не трогаешь вещи, не запоминаешь, где лежат чашки, и не строишь привычек.

Во временном начинаешь обживаться.

В половине восьмого мне сообщили, что ужин будет подан через полчаса.

Я специально не стала открывать приготовленный гардероб.

Надела собственные тёмные брюки, белую рубашку и собрала волосы.

Когда вошла в столовую, Кирилл уже был там.

Без пиджака.

Это оказалось неожиданно.

Белая рубашка, тёмный жилет, рукава застёгнуты. На столе перед ним лежал планшет, рядом стакан воды.

Он поднял глаза.

Взгляд скользнул по моей одежде.

— Гардероб не понравился?

— Я ещё не решила.

— Обычно решение принимают после примерки.

— Обычно одежду выбирают до того, как покупают.

— Стилист знает свою работу.

— Я тоже.

Он отложил планшет.

— Добрый вечер, Агния Северская.

Фамилия прозвучала иначе, чем вчера.

Не официально.

Не в кабинете регистратора.

За столом в доме, где мы теперь должны были жить.

— Добрый вечер, Кирилл Северский.

Он указал на кресло напротив.

Я села.

Между нами поместился бы ещё один человек, если бы кому-то пришла в голову такая жестокость.

Варвара Степановна принесла ужин почти бесшумно. Запечённая рыба, овощи, простой салат.

Никакой икры, фуа-гра и прочего, чем воображение бедных людей обычно кормит богатых.

Я посмотрела на тарелку Кирилла.

То же самое.

— Разочарована? — спросил он.

— Чем?

— Ты уже второй раз изучаешь мой ужин.

— Проверяю, не кормят ли хозяина дома отдельно.

— От кого?

— От жены по контракту.

— Пока нет.

Он взял вилку.

Несколько минут мы ели молча.

Не напряжённо.

Просто молча.

И это неожиданно оказалось сложнее, чем спор.

В кабинете Северского легко было помнить, что передо мной противник.

За обычным столом человек становился человеком слишком быстро.

— Нам нужно договориться о нескольких вещах, — сказал Кирилл.

— Мы уже договорились. Пятьдесят восемь страниц.

— Я о доме.

— Тем более интересно.

— У меня ненормированный график. Иногда я возвращаюсь ночью. Иногда не возвращаюсь вообще. Ты не обязана меня ждать.

— Спасибо.

— Не перебивай.

Я положила вилку.

— Продолжай.

— В западное крыло не заходишь без приглашения.

— Это я уже слышала.

— Если у меня деловые встречи дома, персонал предупредит заранее. Во время некоторых из них лучше не появляться в общих помещениях.

— Почему?

— Конфиденциальность.

— В моём договоре нет пункта, запрещающего мне ходить по дому.

Кирилл спокойно отпил воды.

— Я не запрещаю. Прошу.

Я посмотрела на него.

Это слово от него я услышала впервые.

— Хорошо. Если предупреждают заранее.

— Предупредят.

— Моя очередь.

Он кивнул.

— Никто не входит в мои комнаты без стука.

— Очевидно.

— Судя по гардеробу, не всем.

— Мерки получила служба протокола из твоего старого заказа у ателье. Законно.

Я замерла.

— Откуда у вашей службы мой старый заказ?

— Агния...

— Это не ответ.

Он вздохнул.

Не раздражённо.

Скорее как человек, который ожидал этот разговор позже.

— Мы проверяли тебя перед предложением.

— Насколько глубоко?

— Достаточно.

— Медицинские данные?

— Нет.

— Банки?

— Только открытая информация и то, что требовалось для проверки рисков.

— Личная переписка?

— Нет.

— Бывшие отношения?

Пауза.

Вот она мне не понравилась.

— Кирилл.

— Проверяли наличие обстоятельств, которые могут стать проблемой после объявления брака.

— То есть да.

— Мы не читали твою переписку и не следили за бывшим мужчиной. Проверили, что он существует и давно не имеет отношения к твоей жизни.

Я медленно отложила салфетку.

— А если бы имел?

— Тогда предложение выглядело бы иначе.

— Не было бы предложения?

— Возможно.

— Ты очень легко произносишь вещи, после которых большинство женщин бросают в мужчину бокал.

Кирилл посмотрел на мой бокал.

— Там вода. Ущерб минимальный.

Я почти улыбнулась.

Почти.

— Больше никаких проверок без моего ведома.

— Если вопрос касается безопасности, я не могу этого обещать.

— Тогда хотя бы никаких вмешательств.

— Это могу.

Я кивнула.

— Следующее. Моя работа.

— Ты сохранила право работать.

— Я не спрашиваю разрешения. Я предупреждаю: иногда буду возвращаться поздно. Иногда проводить в мастерской целый день. И я не буду отменять работу из-за твоего графика.

— Если это не конфликтует с публичными обязательствами.

— Если конфликтует — обсуждаем заранее.

— Согласен.

— И последнее.

— Уже боюсь.

— Не льсти себе.

Я посмотрела в сторону двери, убедилась, что Варвары Степановны нет поблизости, и снова повернулась к нему.

— Персонал.

— Что с ним?

— Я не хочу, чтобы люди вставали передо мной по стойке смирно только потому, что вчера я поменяла фамилию.

— Они не встают.

— Мысленно — вполне.

— Дай им время.

— Варвара Степановна меня терпеть не может.

Кирилл впервые за вечер улыбнулся открыто.

Ненадолго, но без прежней расчётливости.

— Если бы Варвара Степановна тебя не терпела, ты бы уже знала.

— Успокоил.

— Она относится настороженно ко всем изменениям.

— А ты?

Улыбка исчезла.

— Что я?

— Как относишься к изменениям?

Он посмотрел на меня через стол.

— Если контролирую — хорошо.

— А если нет?

— Тогда устраняю причину.

— Звучит очень по-семейному.

— Мы не семья.

Фраза прозвучала слишком быстро.

Не резко.

Именно быстро.

Я заметила.

Он тоже понял, что я заметила.

Кирилл потянулся к стакану.

Пальцы на долю секунды остановились возле правого виска.

Тот же жест.

Как в кабинете.

Только теперь я увидела ещё кое-что: прежде чем взять воду, он несколько раз медленно моргнул, словно яркий свет стал неприятен.

Над столом горела обычная тёплая лампа.

— Что? — спросил он.

Я поняла, что задержала взгляд.

— Ничего.

— Ты смотришь так, будто нашла ошибку в документе.

— Профессиональная деформация.

— Во мне?

— Пока изучаю оригинал.

— Осторожнее. Он дорогой.

— Цена и ценность не одно и то же.

Кирилл усмехнулся и вернулся к ужину.

Разговор закончился сам.

После десерта — которого я не хотела, а он даже не притронулся — Кирилл поднялся.

— Завтра вечером благотворительный аукцион.

— Уже?

— Мы женаты. Скрывать это месяцами бессмысленно.

— Ты говорил, что по легенде мы женаты месяц.

— Легенду скорректировали. Регистрацию подтвердят официально, но без деталей.

— Пресса будет у входа?

— Скорее всего.

— И ты говоришь об этом сейчас.

— Чтобы ты не скучала.

Я посмотрела на него.

— Ненавижу сюрпризы.

— Я запомню.

— Правда?

— Нет. Но звучало вежливо.

Он ушёл первым.

Я осталась за столом ещё на минуту.

Вера была права.

Мы действительно разговаривали пунктами договора.

Просто теперь договор становился бытовым.

Кто куда входит.

Кто о чём предупреждает.

Кто имеет право проверять.

Кто не имеет права спрашивать.

В нормальном браке подобные вещи выясняют месяцами, иногда годами.

Мы попытались закончить за один ужин.

К одиннадцати дом погрузился в тишину.

Я долго не могла уснуть.

Не из-за новой кровати.

Она была удобнее моей старой.

И не из-за дома.

Просто чужая тишина отличается от собственной.

У себя я знала каждый звук: трубы, лифт за стеной, мусоровоз во дворе, Вера, которая иногда поздно захлопывала окно мастерской этажом ниже.

Здесь любой шорох требовал объяснения.

Около полуночи я сдалась.

Надела тёмный халат и вышла в коридор.

На первом этаже горела только подсветка вдоль стены.

Я спустилась за водой.

На кухне было пусто.

Открыла холодильник, нашла бутылку, налила стакан.

И услышала шаги.

Не со стороны лестницы.

Из коридора, ведущего к западному крылу.

Медленные.

Неровные.

Я поставила бутылку на столешницу и не двинулась.

Кирилл появился в проходе через несколько секунд.

На нём были тёмные домашние брюки и тонкая рубашка без воротника. Босиком.

Первое, что я заметила, — он не увидел меня.

Второе — правая рука была прижата к стене.

Не для равновесия.

Чтобы понимать, где находится стена.

Он сделал ещё несколько шагов.

Остановился.

Закрыл глаза.

Лицо изменилось.

Днём оно всегда было собрано из точных линий: челюсть, скулы, рот, взгляд.

Сейчас всё это будто перестало иметь значение.

Он просто терпел боль.

Без звука.

Я стояла в тени у кухонного острова.

Позвать его?

Сделать вид, что ничего не вижу?

В договоре не было такого пункта.

Кирилл добрался до шкафчика рядом с холодильником, открыл его и достал небольшой тёмный флакон.

Руки дрожали.

Не сильно.

Но достаточно, чтобы крышка не поддалась с первого раза.

Он тихо выругался.

Я машинально шагнула вперёд.

Остановилась.

Не потому, что испугалась.

Потому что вспомнила, каким тоном он сказал: «Мы не семья».

И как быстро.

Кирилл наконец открыл флакон, отсчитал несколько капель в воду и выпил.

Несколько секунд ничего не происходило.

Потом он опёрся ладонями о столешницу и опустил голову.

Плечи напряглись.

Дыхание стало глубоким и слишком размеренным — как у человека, который сознательно заставляет организм выполнять простую команду.

Вдох.

Выдох.

Ещё раз.

Я смотрела.

И вспоминала то немногое, что успела узнать до встречи с ним.

Швейцарская клиника.

Сосудистая патология.

Неясный прогноз.

Фрагменты информации, слишком обрывочные, чтобы делать выводы, и слишком конкретные, чтобы их забыть.

Вчера за столом переговоров он на секунду коснулся виска.

Сегодня вечером щурился от обычного света.

Сейчас едва стоял.

Этого было достаточно, чтобы перестать считать сведения ошибкой.

Но недостаточно, чтобы понять, насколько всё плохо.

Кирилл выпрямился.

И увидел меня.

Мы замерли одновременно.

Удивление в его лице исчезло почти мгновенно.

Через секунду передо мной снова стоял тот мужчина, который обсуждал брак так же спокойно, как покупку компании.

Только бледнее.

— Не спится? — спросил он.

Голос звучал ровно.

Если бы я вошла минутой позже, могла бы ничего не заметить.

— Хотела воды.

— Нашла?

Я подняла стакан.

— Как видишь.

Его взгляд скользнул по моему лицу.

Он пытался понять, сколько именно я видела.

Я позволила ему гадать.

— Доброй ночи, Агния.

— Доброй ночи, Кирилл.

Он прошёл мимо.

Шаги уже были ровнее.

У лестницы не остановился.

Не обернулся.

Я осталась на кухне.

На столешнице стоял стакан, из которого он пил.

Рядом — закрытый тёмный флакон.

Кирилл забыл его.

Я подошла ближе.

На этикетке было название препарата, напечатанное мелким шрифтом, дозировка и название частной клиники.

Я могла взять телефон.

Сфотографировать.

За минуту найти хотя бы общую информацию.

Рука уже легла на карман халата.

Я остановилась.

Вчера я потребовала от него не вмешиваться в мою жизнь без ведома.

Было бы удобно решить, что это правило действует только в одну сторону.

Я взяла флакон двумя пальцами.

Не читая дальше, поставила его на самое заметное место у края столешницы.

Пусть найдёт утром.

И поднялась к себе.

Дверь моей спальни закрылась тихо.

Я выключила свет, легла и посмотрела в темноту.

Теперь я знала две вещи.

Кирилл Северский действительно был болен.

И он намеревался сделать всё, чтобы я не поняла насколько.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.